

Денис
Захаров

Пустые
сказки
Николаса
Кацлера

*Все пустое,
потому
и наполняется*

Денис Захаров

**Пустые сказки Николаса Кацлера.
Все пустое, потому и наполняется**

«Издательские решения»

Захаров Д.

Пустые сказки Николаса Кацлера. Все пустое, потому
и наполняется / Д. Захаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905670-2

Эта книга для людей, собирающих мозаики себя, похожая на детскую раскраску, где раскрашивать можно попробовать собой. Попытка воссоздания внутренних разговоров кэмпбелловского Героя и проба собрать его возможные фокусы внимания, исходя из тела ограниченного текста на срезе времени. Это книга-преамбула — как начало рождения новых связей, и книга-резюме для рассмотрения существующих, но не состоявшихся связей. Наблюдаемая сетка монолога на границе пустоты и души — как способ...

ISBN 978-5-44-905670-2

© Захаров Д.
© Издательские решения

Содержание

Волнующее знакомство с тобой	6
Словомен	8
Назад в будущее?	10
Показалось?	11
Из личных записей	12
Пчелиная байка	13
Сказка о мтыдмтыщмтыдлм	15
Сказка о вечности	16
Междуадие	17
Как понять муравья через рафинад?	18
Ниточное производство рыб	19
Мастер дел подъездных	20
Камнефобия	21
Уставшая рука на плече	22
Рыбная парфюмерия, или Сам себе светорежиссер	23
Вопрос от Адама и Евы	24
Сказка о лепке	25
Вопрос от Гамлета	26
Беззубие или зайчики?	27
Радуга неожиданных гостей	28
Стенописец	29
Кстати, о птичках	31
Девушка из песни	33
Гера Мария	35
Человек-могу	36
Что за Бореем...	37
Поезд в солнце	38
Теплому пледу не надо проходить краш-тест	39
В чем соль?	40
Без нее не справиться	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пустые сказки Николаса Кацлера Все пустое, потому и наполняется

Денис Захаров

Редактор Марина Тюлькина

Корректор Ольга Шепитько

Иллюстратор Юрий Сосницкий

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Денис Захаров, 2018

© Юрий Сосницкий, иллюстрации, 2018

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-5670-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Аудиозапись:
БТ — «Тень»*

Волнующее знакомство с тобой

Привет! Как тебе обложка? Для первой обложки в моей жизни сойдет?

О да, обложки – это целый мир! Вау...

Хм... раз ты уже здесь, скажу, что, к сожалению или к счастью, эту книгу не надо читать. Знаешь, это вовсе и не книга. Я вообще, признаться, не понимаю, что...

Давай так! Не знаю, что получится у нас с тобой, но точно, что вот то, что получится именно с тобой, – не получится с другим читателем этой книги. С ним получится что-то другое. Риску несколькими мгновениями, а я попробую написать, что, может, будет близко тебе. Или далеко. В любом случае, исходя из слов «близко» и «далеко», ты и я будем друг от друга на измеримом расстоянии.

Начну с того, что есть я – печатающий этот текст на своем компьютере неизвестный тебе человек, есть ты – неизвестный пока мне человек, которому по воле случая попала в руки эта книга. Так и быть, иногда все это я буду называть книгой. А есть что-то еще, о чем мы с тобой не договаривались, но как-то точно чувствуем, что есть. И ты можешь прекратить нашу беседу уже сейчас или десятью страницами позже, а может, и вовсе не заметишь наличие этого общения. Кто ж знает, кому что сегодня. Но вот ты с книгой, и у нас уже есть что-то общее, точки пространства сдвинулись, какой-то механизм заработал, все отчетливее видится характер нашей связи. Эта шуршащая штука, которую ты держишь в руках, – мой поиск, предположу, что поиск любви. Думаю, что абсолютно каждый из нас, и это важно, находится в этом поиске, располагаясь на разных клетках этого бесконечного тетрадного листа.

Мы ищем, но не понимаем что, – ориентиры теряются. В голове появляется образ когда-то нового, но сейчас заношенного пиджака. И, тем не менее, поиск идет. Словно сундук на чердаке старого дома: никогда не знаешь, что там сможешь найти, но все равно лезешь открывать его с невероятным чувством торжества... или страха... Но это чувство торжества поиска ослабевает и забывается, будто мы потеряли ключ от сундука и решили, что иначе его не открыть, а ключ не найти, не изготовить – ничего; будто из поколения в поколение мы готовы смириться с потерянным ключом и невозможностью открыть сундук. Появляется страх, который сковывает сами попытки поиска. Удивительнее всего наблюдать, что мы уже затираем сам страх, еще больше отдаляясь от того, что в сундуке. Если раньше мы были капитаном судна, приплывшим к пещере с сокровищами, но боящимся войти в нее, то сейчас, сидя на суше, мы не хотим и думать о том, что есть сокровища, пещеры, корабли, моря... Наш взор устремлен от подобных странствий, но ведь... нет-нет, да глянем.

Скорее всего, ты не сможешь точно сказать, что я сейчас имею в виду, но если есть ощущение, что «нет-нет, да глянем» в этом примере, – это хоть немного, но про тебя... Есть? У меня есть. И без тебя совладать с этим сокровищем, с этим сундуком я не смогу. Одному с судном не управиться, это наглядно показывают фильмы про пиратов, ну или более серьезная литература.

Вот мы почти уже и команда.

Продолжим.

Наверное, я даже не понимаю, что я имею в виду под «поиском любви», но сегодня, в день, когда я начал писать эти строки, я почувствовал, что это прочтешь ты. Есть внутренняя уверенность, что именно ты; раз ты, и это важнее, чем может показаться, уже это читаешь, ты можешь оказаться точно там, где и я, не физически, конечно, а то это было бы уж чересчур.

Мне бы хотелось связаться с тобой сквозь пространство и время через этот текст. Звучит так себе. Нет, это не научная фантастика, не религиозный трактат, не произведение искусства, не труд писателя. Это попытка рассказать тебе свои сказки.

Однажды я почувствовал, что мне нужно писать, весь рельеф знаков вокруг будто удивлялся тому, почему я еще не пишу (писать слова как способ связи, улучшение глаза как инструмента), ну и мне оставалось выбрать форму, в которой это нужно сделать. Я выбрал такую и назвал это сказкой!

Сказка – это то, что читается в детстве. Сказка – это то, что направляет наши идеи, взгляды и убеждения с самого младенчества. Простор. Здесь не будет принцев и принцесс, волшебных палочек и говорящих коней, здесь будет то, что я называл бы «правдой». Правда между тобой и мной, а так как имеется мнение, что о ней в мире договариваются, – будем пробовать ее устанавливать.

Представим, что вышла новая компьютерная игра, и ее устанавливают сто пользователей, но она устанавливается только на те компьютеры, где есть DirectX18, а это «пять из ста». Пять пользователей установили правду между игрой и драйвером DirectX18, поэтому у них игра работает. Ньюансов у этого примера может быть бесконечное множество, настолько бесконечное, что в нашем примере ни один пользователь не сможет поспевать за новинками игровой индустрии, и правда не установится, оттого есть мнение, что и правды никакой и нет. Но локально, в рамках этого небольшого разговора, с пятью из ста пользователей она может и состояться. Я не знаю, насколько этот пример будет удачен здесь, но возник он. Для кого-то как раз именно он будет тем самым DirectX18, а для кого-то нет. В детстве на уроке рисования у меня, например, было три фломастера: красный, желтый и зеленый, и небо, это непонятно откуда вдруг взявшееся в раскраске небо, нечем было закрасить, и я искал голубой цвет у соседа, учителя, мы обменивались фломастерами. А когда у меня и ни у кого в классе не было голубого цвета, то учитель говорил что-то вроде: «Так, ну раз ни у кого нет голубого, и у всех есть зеленый, то небо можно раскрашивать зеленым, ничего страшного». И мы смело раскрашивали небо зеленым, зная, что мы все делаем верно, и нам за это не снизят оценку, и уже не надо отчаянно искать голубой. Мы с учителем установили правду о том, что небо – зеленое, и в течение 40 минут урока она работала в нашем классе. Урок закончился. И ровно через неделю с этим же учителем устанавливалась уже совсем другая правда. Такая вот она путешественница. Как бы вот сейчас она есть, а в следующее мгновение ее может и не быть. Необязательная дама, тем и прекрасна.

Словомен

Если ты человек, который открыл эту книгу в магазине, просматривая первые страницы с интересной для тебя обложкой, ты можешь положить ее обратно на полку или взять с собой. Я хочу сказать, что сейчас, вот сейчас, стоя в магазине, просматривая эти строки, или сидя уже дома, валяясь в кровати или прищучивая ею надоедливый комар в автобусе, спасибо тебе. Спасибо, что ты здесь! Я часто чувствую себя не до конца собранной мозаикой угрюмого румына, но, тем не менее, недостающие пазлы имеют свойство отыскиваться. Отыскиваться в самых неожиданных местах.

Слова – обозначения, ярлыки. Написал вот, что я – стиральная машина. Ты представил свою, а я свою. У тебя она круглая. А у меня квадратная. Слова – наши помощники в этом поиске, но они же могут сыграть с нами злую шутку, будем бережно относиться к этим хитрым закорючкам. Как же читать книгу без слов и букв, когда они есть!?

Сейчас мы делаем с тобой одно дело. Мы со-владельцы. А результат этой книги в нашей с тобой связке будет со-деянным. Что-то произойдет, вроде того, как получаются дети, или вкусное блюдо, или отношения, все слова цепляются друг за друга. Так давай посмотрим, что у нас получится произвести.

Здесь ты нужен. Здесь ты полезен. Эта польза не придет к тебе медалькой или деньгами, это большее дело: понять и принять друг друга. А ты хорош, читаешь странные вещи и все равно бежишь глазами далее. Это огромный потенциал особого ты. Круто же!

В нашем мире очень сложно перейти с привычного уровня общения на непривычный. Кому-то трудно подойти и заговорить с незнакомым человеком. А если даже и подошел, уже сказал то, чего не хотел. А если и сказал то, что хотел, но испытал не те чувства, ощущения и эмоции, которых ожидал, а потом еще что-то не так, и все это превращается в порочный круг, которому мы частенько и сами бываем не рады. У каждого возникают свои ситуации. Я вот никогда не мог работать и делать что-то хорошо на более-менее длительном отрезке времени, постоянно и с желанием. Поэтому это будет так себе сказка, по-моему, к этому моменту она уже становится никудышной, сказки так уж точно не пишутся, но остановиться и прекратить что-то не дает, хотя сделать это сейчас проще всего.

Каждый из нас разным способом кричит миру «я здесь», это необходимость, которая порционно отличается в зависимости от человека. И вот я в этой сказке, наверное, и подшептываю тебе «я здесь», и если ты тоже... То вот ты и вот я. Давай дружить, пусть хотя бы здесь, уже отлично.

Из общего хаоса слов нужно задать тему нашего с тобой общения, если у нас получится, то в магазинах на прилавках или на просторах сети я буду транслировать и другие зачатки себя, а может, и не буду. Пообещаю тебе, а потом не исполню. Может, это первая и последняя книга в моей карьере сказочника.

Спустя несколько прочитанных страниц – есть выжимка восприятия? Я тебе нравлюсь? Или неприятен и скучен? Весел и любвеобилен? Назойлив и заносчив? Каждый из читающих ответит по-разному... Количество вариаций не имеет конца... Но, думаю, полезно подумать о том, как ты видишь меня сквозь призму себя.

О чем же я хочу тебе сказать? Несмотря на то, что несколько предыдущих абзацев пронесли тягучим шумящим фоном, и все это выглядело как одно большое вступление, мы уже о чем-то говорим и как-то чувствуем друг друга, но пока непонятно, как, но что-то ты уже можешь сказать точно.

Антоний Сурожский:

«Мы обманываемся, когда думаем, что общаемся друг с другом через слово. Если между нами нет глубины молчания, слова почти ничего не передают. Понимание происходит на том уровне, где два человека встречаются глубинно именно в молчании, за пределами всякого словесного выражения».

Назад в будущее?

Как-то я пришел на выставку, где маленький мальчик, на вид ученик школы, задал на ломаном английском вопрос приглашенному гостю мероприятия Кристоферу Ллойд – тому актеру, что снимался в культовом фильме «Назад в будущее» с легендарным летающим автомобилем DeLorean DMC-12. Мальчик рассказал о нюансах, которые нашел в его фильмах и в самой актерской игре звезды, и вдруг, на удивление всех, почти заикаясь от волнения, попросил обняться. Охрана с разрешения организаторов пропустила паренька на сцену, и тот с размаху прыгнул в объятия актера. Ллойд опешил, он не был готов к такой кричащей искренности; и мальчик не лукавил, в нем плескалось невероятная смесь безудержного внутреннего движения и ласковой благодарности, казалось, что звуки этого коктейля нашли отклик у всех, выражаясь в бурных аплодисментах и непонятной природе слез. Те слезы без ответа. Когда нет быстрого ответа об их причине (упал человек – понятно, почему плачет; заболела любимая черепашка – понятно, почему плачет, и т. д.; каждый из нас приведет здесь свои примеры понятного плача), так вот это был непонятный плач, по крайней мере, для меня. И на острие этой ситуации у меня возникла такая абстрагированная мысль, которая будто резко переместила меня из партера на балкон: стоит в зале вокруг меня примерно около тысячи человек, и все смотрят на Ллойда как на кумира, успешного человека, приму, живую легенду в той или иной степени. И всем будто понятно, что тысяча людей на мгновение имеет какое-то единое коллективное сознание – пролетает стрела самоозарения: большинство из них не станут такими, как он, и это не моя мысль или наблюдение о них, а будто самим совершающимся фактом, находясь вместе со мной на этом самом балконе, уже своим присутствием на нем они сообщают это, и это всем понятно. Не вчера или завтра, в сей миг их мечта не сбылась, не сбывается, не сбудется. И уже с позиции несбывшейся мечты все эти последующие слова, эмоции, улыбки, вопросы и т. д. от других людей и этот аромат запылившейся старой мебели стоят крепко и сбито. Переводишь фокус снова на того парня, и восприятие режется почти с трескучим звуком: этому мальчику ничего не надо, его слезы имеют другой характер и оттенок, как бы вопреки... Он не фотографирует, не просит автографа или чего-то еще, что обычно принято делать со знаменитостями. Он – вот он, и вот Ллойд, и эту краткосрочную мелодию дергающихся струн он чувствовал, будто впопыхах искал где-то у себя внутри подходящую полку для этого удивительного груза. После наблюдаемого я вышел из очереди на фотовстречу со звездой Голливуда, я не хотел протягивать эту связь из состояния «несбывшегося», я хотел, как мальчик, но не мог. Я оказался на границе невидимых глазу миров, отказался от права выбирать сейчас. Мне кажется, что подобный уход случается с каждым из нас в разных ситуациях – запечатление этого отдает призрачным, но осязаемым позитивом. А может, такого сцепления эмоций и чувств и вовсе не случалось, и такие «морозные рисунки» сложились лишь у меня, наверняка в голове соседнего человека «узорилось» что-то другое. Но на то и мои сказки, чтобы заявить об их существовании и выслушать твои с той стороны печатного листа.

Тут я хочу пройтись по своим пыльным полкам, хочу, чтобы на них что-то ожило. Новый способ общения. Новый способ понимания. Новый способ восприятия реальности. И это не универсальный способ в общепринятом смысле слова, он «универсальный» только для каждого. Он твой. Он может стать нашим. Возможно, он может состояться с тобой в чаще этих слов. А может, и не состояться. Это сказки дилетанта, поэтому я не берусь утверждать что-то наверняка.

Показалось?

Совсем недавно я просматривал видеоролик, в котором молодой человек упомянул некоего Эдварда Холла. По поиску в интернете я нашел фото неизвестного мужчины, определяемого мной как Эдвард Холм; позднее я обнаружил, что фамилии различались. Фото была отправлено знакомому, как две капли воды похожему на этого персонажа. Язык изображения и сам посыл был понятен нам обоим. Сумятица началась со слов, обозначающих два имени автора. Их важность и нужность в тот момент была аннулирована. Есть язык более совершенный.

Из личных записей

Летом прошлого года я читал книгу К. Юнга, он много пишет про сны и приводит примеры интерпретаций нескольких. В это время меня сопровождали следующие мысли, которые я неторопливо записал:

«На мгновение представил, что и бодрствование – это такой же сон, назову его „бсон“. При обращении внимания на знаки и символы в бсне можно также понаблюдать за телодвижениями нашего мира с нами же самими (у каждого свое: какие-то ситуации повторяются, эмоции воспроизводятся и т. д.), как порой и в обычных снах (очень часто в моих снах концептуально воспроизводятся одни и те же объекты и совершения над или с ними); Юнг пишет, что подсознание может нам раскрыть то, что нельзя раскрыть сознательно. Так вот к чему я веду... Я не чувствую, что условный Денис Захаров оказался там, где оказался и оказывается сейчас, – сознательно. Все, что я помню, – это самые яркие фрагменты этого бсна, так же как я помню и самые яркие моменты снов. Нахожу и в бсне знаки и символы (многие удивительным образом при обращении внимания сходятся со знаками и символами из снов), все они видятся мне как рычаг к сознательному, к возможному, к некому перевоплощению, здесь слова начинают затираться...»

Кажется, что Юнг прикасается и к этой мысли, что нет существенной разницы между этими двумя мирами сна и бсна. Мы пока в этом величественном подсознании, «не рожденные». У человека есть потенциал установить эту разницу и родиться; такие заметки возникают.

Пчелиная байка

Ни один человек в мире не знает, как надо. Что это вообще значит? Как надо кому? Ни один человек в мире ничему вас не научит – он не может вместо вас сесть на седло велосипеда, вы пробуете сами, открывая свои «входящие» для его «исходящих», или блокируете такую возможность.

Представим на мгновение мир в предметной картинке: вокруг космос, и никто не знает, что это. Вокруг люди, и никто наверняка не знает, как мы здесь оказались и зачем. Смотрим на картину в целом, не затрагивая эволюцию и прочие моменты внешнего пространства, о которых мы хоть что-то узнали...

Что-то после Большого взрыва или акта Божьего творенья... А что было до взрыва? В чем смысл? А если Бог, то он откуда и как? Миллионы любопытнейших вопросов остаются без ответов... Если уходить в жесткую науку, мы наткнемся на какие-то ответы, но также и увидим перед собой огромный забор. С точки зрения религий – та же история. Наверняка я что-то здесь точно упущу – это свободные записи на коленке, но удивительно было наблюдать, что, читая гениальные научные труды по разным дисциплинам, восточные просветляющие учения и практики, высоконравственные религиозные трактаты и т. д., я обнаруживал одно и то же – попытки человеческих исканий, которые при верной кропотливой интерпретации текстов сообщают нам одни и те же вещи, просто о делают это на разных языках... Вместо того чтобы объединить усилия в исканиях, мы уже какую тысячу лет бьемся на границах непонимания... Регулярно бьемся из-за этого даже дома с любимыми и близкими, не говоря уже о таких конструкциях, как страны, убеждения, историчность и прочее...

Здесь, мне кажется, из своего личного опыта ты извлечешь для себя пример гораздо точнее и лучше, чем смогу это я... Про себя скажу, что я не отождествляю себя абсолютно ни с чем, находясь в постоянном поиске, – процессе становления, в котором нельзя стать, а можно становиться...

У каждого отдельного человека есть своя картина представлений с разными «но», «если», «и», «а», с разными нюансами и почти незаметными штрихами, которые отталкиваются от того или иного существующего мощного текстуального столба представлений. Каждый запрыгнул в свой уютный вагон, а кто-то обнаружил себя уже в нем, некоторые переползают из вагона в вагон, – и все вместе одним большим составом мы куда-то мчим. То есть мы оказались выкинутыми на каком-то отрезке времени, не зная ни истоков, ни устьев этого потока-импульса, и пробуем с разных сторон, кто как, узнать об этом хоть что-то или поверить в это типа «спортивного ориентирования».

«Куда несет нас рок событий?» – страдая, спрашивает сам себя Сергей Есенин. А теперь представьте, что кто-то учит вас правильно держать ложку или правильно говорить слово «звОНЯт», какие только правила не найдешь в стенах этого несущегося экспресса. Играя с текстом, наверное, можно, а иногда и нужно объяснить, зачем и почему имеют место правила и вагоны, поразбираться с ними, но... Но бывает такое устремление ума, что все это кажется такой чушью... Попробую объяснить на примере.

Как объяснить пчеле, что такое продукция компании Apple? Есть много всего, что недоступно нашей категории мышления, так же как пчеле недоступно воспользоваться мобильным телефоном. Телефон как бы есть, пчела как бы есть, а этого «можно» будто нет. Огромная пропасть неких связей, которые в условном другом мире вели бы к этому «можно». Чем хороши фантастические фильмы – они, фантазируя, достраивая какие-то части несуществующих связей, заполняя такие глубокие пропасти, утрируя, проектируют недостающие в альтернативной вселенной звенья цепи. Животные, машины, растения и т. д. наделяются человеческим языком, характером, индивидуальными качествами, протягиваются кабели восприятия

между условным гигантским цветком и его планами на захват мира, где во время действия он использует все те средства, что использует обычный человек, или под такого персонажа придумываются какие-то сверхспособности, – это очень любопытно. Все в рамках условного «мира пчелы». Фантастические фильмы режиссера-пчелы отталкивались бы от реалий пчелиного мира. С каждым новым словом этот пример становится все более неудачным, так как опирается на известную категорию мышления, унося первоначальные семена идей. Что может пчела, чем она может гордиться? Что может человек, чем он обычно гордится? Как отличить пчелу от человека?

Сказка о мтыдмтыщмтыдлм

Однажды один пастух пришел на бесхозную, но не заброшенную пасеку и стал разглядывать пчел. Пчелы были чудесны, они трудились, знали свое дело, они трудятся здесь уже тысячи лет, кто-то когда-то это оформил, заключил пчелок в рамочку пасеки, словно те картины, которые висят у наших родителей на стенах, но никто не знает, что они значат. Картина о любви, а вешают, чтобы стена богаче смотрелась. Так же и с нашей пасекой. Звонит наш пастух исчезнувшему пасечнику, а дозвониться не может, и письмо написал, и соседей в округе опросил: нет новостей. Ну, вытащил он из кармана телефон и положил прямо на один из ульев, мол, вернется – свяжется со мной. Что получается? Пасека бесхозна, стадо пастуха бесхозно, средство связи утеряно, пчелы засомневались – получили неизвестное средство, с которым не знают, что делать. Нарушен порядок вещей. Хаос и неразбериха. И ветер стал искать начало.

Сказка о вечности

В огромном царстве в огромном дворце жил царь. И все у него было красиво, все блестяло, и чисто, и опрятно, и людям не стыдно показать, и царям, в гости наезжающим, да вот только косяки дверные трещали, спать царю мешали, женушку-царицу раздражали да собак выть заставляли. И обратился царь-батюшка к мастеру дел дверных и говорит ему: «Сделай косяк, получишь тысячу рублей». Мастер работу свою сделал, царь, как обещал, заплатил, даже сверху дал. Ходит день, спит ночь – тишина, ничего не скрипит, живет не наладится. Женушка больше не зудит, покладистой стала, тишина, не скрипит косяк. Собака выть перестала, воришек мелких отпугивать научилась, рада, что и она спать может. А на третий день пошел царь с утра за кафтаном, отвалился косяк и царя как шандарахнул! Нет царя в этом государстве уже много лет, на больничной койке лежит, на голову да на мастера никудышнего жалуется, а те, что новыми царями становятся, все того же мастера нанимают, да уже поди лет 500 с косяками дверными мучаются.

Междуадие

Человек сидел в ванной, он сидел в ней как обычно, в руках был старенький телефон с развлекательной программой на экране, из устройства доносились звуки. Случился миг: то ли музыка, то ли голос, то ли идея впиалась в человека когтями, он отложил телефон. Его поза в ванной стандартизирована и устананена, он, словно та оливка в бокале мартини, всегда выглядит презентабельно, словно из его ванной с упоением отхлебывает странная дама. Человек смотрит на свои руки, его культяпистое и мясистое тельце приходит в движение, он отслеживает движения тела, он ли движет им? Кто? Он становится на четвереньки и вглядывается в тройное отражение ванны, смотрит на себя, на тело, на ванну и на воду, и ничего не происходит. Вакуум, пустота, есть какой-то мир, какие-то мама и папа, женщина и ребенок внутри, ребенок снаружи, но сейчас, в минуту вглядывания в гладь воды в ванне, человек вне времени, вне мам и пап и привычного склада ума, он знает, что за дверью его ждет привычный мир и механистичный уклад, от которого не сбежать. Пауза, вроде того крутящегося загрузочного кружка на видео. Ролик продолжится, все на своих местах. Миг пройдет, опыт не извлечен. Утоп до следующей паузы. Кто нажимает на этот пульт?

Как понять муравья через рафинад?

Возьмем 100 лет. Что это? 1, 2, 3, 4, 5, 24... 36... 49... 78... 100. Сколько тебе? Прошли те годы, которые миновали? Остановки бытия – самое замечательное, что было у этого человека. Что не растворяет, что не растворяет хотя бы минуту, вроде того куска рафинада в горячем чае. Что может успеть сделать рафинад?

Тот миг перехода из твердой формы в сыпучую олицетворяет его предназначение как сахара, в этот момент рафинад понимает себя как сахар, до этого им кто-то мог и табуретку подпереть, чего только с рафинадом не творят, ну в его языке, конечно же. Рафинад не сообщает мне, погружающему его в чай, об этом миге. Такая коммуникация не может состояться. Ее нет. Не существует и недоступна. Скоротечней скорости света, незаметней взрыва сверхновой в другой галактике для глаз муравья на планете Земля. Такой взрыв как-то непременно влияет на муравья, – представим, что от дальней звезды к нашему муравью идет некий луч, который преломляется через призмы. Таких призм много. Какие-то со временем искажаются или разбиваются, и из-за этого кому-то свет и не сообщится. Здесь уместнее всего выглядело бы объявление о поиске всемуравьиногалактического мастера-осветителя, ведь все-таки каждый муравей на счету. И это почти не шутка.

Так пью чай.

Ниточное производство рыб

Мне кажется, что каждый в какой-то степени пumb из той одноименной легендарной песни Linkin Park. И этого не надо, думаю, бояться, этим не надо и кичиться. Ты уже там, где что-то рождается. И те позывы к привычному, знакомому, комфортному – пусть случатся... Кажется, не стоит слушать людей, которые говорят тебе о тебе со знаком «минус», они рассказывают о себе – прислушайся однажды. Не вздумай и подумать, что с тобой что-то не так, – нет мышц, денег, красивых ног и полноценной семьи, – этот список декораций бесконечен. Ты тот, кто перевернет этот мир. Несмотря на чрезмерный пафос этих строк, тут можно увидеть и другое. Бывало, что что-то в твоей жизни, словно шашлык, насаживалось на шампур, – есть, и все. Девушка, парень, музыка, одежда, вещи, эмоции, чувства, квартира, машина, родственники, соседи и т. д. – список программ, установленных на твой персональный компьютер. Узнай про себя что-то невероятное. Иногда для этого даже не надо выходить из комнаты; вот ты, вот я, вот буквы, которые я выкладываю в рядочки, ты здесь, ты читаешь – между нами натягивается ниточка; возможно, забыв об этом моменте своей жизни, – вот, скажем, прямо этот момент жизни ты забудешь, – а он может однажды воспроизвестись в твоей жизни лет через сорок и изменит привычный порядок вещей у какого-то еще незнакомого тебе и мне человека. Налаживая эту ниточную канцелярию, ты являешься генеральным директором этой компании. Пожалуй, самой влиятельной в мире компании. Она никому не принадлежит, ее ресурс неисчерпаем, а природа неясна. Можно любоваться плывущей рыбой, наблюдать, идти за ней, изучать ее, стараться что-то понимать про нее. Но можно выловить ее из реки и съесть. И так и так ты что-то поймешь об этой рыбе и о себе. Но вдруг наша рыба – последняя, которую нам посчастливилось увидеть, и ты можешь ее поймать и съесть, но ясно понимаешь, что тогда ее точно больше никто не увидит, и не будет ни малейшего шанса для ее понимания другими... Что если есть что-то, что не нужно трогать, до чего не надо копать, лезть и куда не надо врываться, пока не придет время (вроде «Красной книги» или заповедников по охране редких животных), – иногда кажется, это абсолютно понятно, что не нужно «съедать», возможно, поэтому мы еще здесь.

Мастер дел подъездных

Эта условная книга – отчасти мое зеркало. Здесь то, что отражается, – не расширенное, не до конца загруженное изображение. Одновременно сильный крик и звонкий шепот несчетного количества голосов, развинчивающих изнутри. Калейдоскоп живого и мертвого. Бесконечного и моментально конечного. Читая, ты оживляешь меня, сдаешь мне, пусть на секунды, свои пространства... ощути, закрой глаза... Это самая поразительная арендная ставка. Представь и чувственно обозначь – это уже произошло, – осталось с помощью мысли это поймать, будто майского жука весенним вечером, и назвать. Тот невидимый персонаж, который представляется, когда читаешь совокупностью внутреннего и внешнего инвентаря – это то, что я бы назвал «мы». Это ты плюс я. Имея под рукой только садовые ножницы, гранит не обтесать. Сбирать и коллекционировать инструменты полезно; иногда ими может оказаться «умение плевать на дальние расстояния», «навыки быстрой езды на деревянной лошадке» или «знание устройства ткацкого станка». Сейчас в виде этого текста я создаю инструмент. И он не может получиться объективно хорошо. Настоящий мастер смог бы хитро заложить в текст конкретное, выбранное им сообщение так, чтобы оно понималось тобой – читающим именно так, как автор этого захотел. Это невероятное мастерство, оно почти на грани невозможного, но оно, видимо, существует. А набираемые мной на клавиатуре строки, например про осеннюю грязь и слякоть, могут вызвать у тебя отвращение, у другого человека – сладость осени. Но именно у тебя, скажем, отвращение. А напиши я про конфеты, у тебя бы возникло чувство сладости, а у другого – наоборот, отвращение: он не любит сладкое. Но вот у тебя – сладость. И есть вероятность, что у меня с тобой представление о слякоти осенью на миг станет очевидно одинаковым, родится и начнет жить некая связь, вроде того, как с помощью выключателя мы включаем свет в лампе. Интересно, почему нам привычнее называть это устройство выключателем, а не включателем?.. Мне кажется, зачастую такие незначительные нюансы вроде неаккуратно сказанного слова коренным образом влияют на нашу жизнь. Все может зависеть даже от момента времени, например в понедельник утром открыл эти строки – круто, понял, о чем он пишет, во вторник – не круто, ерунда какая-то. Кто-то пишет на стене в подъезде своего дома «Маша – корова» и видит в этом смысл, а я – эти сказки, и пусть не на стене, там просто недостаточно места, да и холодновато осенью по подъездам бегать. Да, кстати, сейчас осень. Октябрь. Эту книгу ты можешь читать в другой месяц; уже не понятно, как человек из октября может понять человека из мая.

Последние несколько строк считаются неоднозначно, в какой-то момент я хотел удалить их из текста. Назовем это ошибкой. Ну, я воспринял это как ошибку. Нельзя так читателю содержимое книги подавать. Ну, может, и правда ошибка, так давайте из ошибки сделаем пользу, скажем, что ошибки в любых делах – это круто! Если вы никогда не делаете ошибок, то, скорее всего, вы и этот текст не прочтете до этого момента. Это же большая ошибка – читать его. Колумб совершил большую ошибку, плывя в Индию, но оказавшись в Америке. Мир проб и ошибок куда-то ведет. Вопрос лишь в смыслах, которыми ты наделяешь слово. Можешь наделить слово другими смыслами, какими захочешь только ты, а если не получится, то выбрать другие. Это просто! Попробуй.

Камнефобия

Какой объем книги читабелен для тебя? Если ты читаешь через силу или усталость и твоего внутреннего заряда не хватает, чтобы читать это, давай продолжим потом. Я с тобой уже не от корки до корки. Я как-то смог стать частичкой тебя. По-моему, это что-то необъяснимое. Хотелось бы, и, может, станет и будет, а может, есть. Очарование в этом совершенно другое, и мы об этом можем знать.

А, да. План книги? Планирование – это слишком странное структурирование времени. Решил ребенок завтра в школу к 10:00 утра пойти, мама решила, что завтра заберет ребенка из школы в 13:00. А папа сказал, что в 15:00 он отвезет его на тренировку. А ребенок ногу потянул в школе, или у папы настроение испортилось, или мама выругалась на ребенка из-за того, что начальник ей не улыбнулся, – вот планы и «рушатся». Хотя, может, просто план плох, не все переменные включены; не знаю, но от ситуации, от потенциала, зарождающегося внутри, действовать как-то гораздо любопытнее и сложнее.

Давайте попробуем по-другому. Каждая миллисекунда времени – это тот самый камень-указатель на развилке. Каждая, пусть не миллисекунда, а ситуация, на которую ты можешь обратить внимание, и есть особый момент в твоей жизни, и нет ничего больше кроме него, и вот нужно совершить акт выбора так, как только ты хочешь и считаешь нужным именно в этой ситуации, не учитывая ни будущие, ни предыдущие моменты. В этом есть сила, мне кажется. Попробуй застать себя в какое-то мгновение времени и обратить внимание на эти мимолетные удивительные камни-указатели, камни-отражатели.

Уставшая рука на плече

Несвязность, несостыковка, отсутствие опоры, нахождение во внутренней невесомости. Будто есть необъяснимый космос со своей бесконечностью и вселенским вакуумом, этот вакуум существует и внутри. Вещи, компьютеры, бокал вина, стоящий рядом, когда я пишу эти строки, будто захламляют пространство, будто, если широко махнуть рукой по столу, все исчезнет, откроются сундучки, и задышится. Все мы в определенного рода изоляции. Хоть на каждом шагу и твердят, и твердим – мы, наш, они... но когда я, и когда я смотрит на я, и вы на них, когда складывается внутри какое-то сложное измерение, и непонятно, что делать, то ли смеяться, то ли плакать, когда будто палач своим огромным топором отсекает все ненужное, сталкиваешься с пустотой, и на этом моменте все. Трещина, которая уже пошла, вроде как тот тетрадный лист, который вы отрываете из тетради, но в какой-то момент он начинает рваться в другом месте, и что бы вы ни делали, разрыв пошел, и даже если успеете остановиться, иначе, по задуманному, не пойдет. Может, в следующий раз, но уже не в этот.

Когда ты видишь, что самые близкие люди не имеют с тобой того контакта, которого ты так сильно хочешь, когда будто нарочно не понимают самого очевидного и простого, что аж треснуть хочется, – как нам суметь постичь эту пустоту? Наверняка есть много складывающихся книг и льющихся людей. Но тут я пишу то, что сейчас Я называю Я, и представьте, если бы каждый человек написал бы вот такую отсебятину, как эта, и, наложив миллиарды этих сообщений друг на друга, что бы мы получили? Что-то проявилось и стало не просто узнаваемым, а понятным. Наверное, это происходит и так, может, нам стоит лишь обернуться на прикосновение вечно дергающей за наше плечо руки?

Рыбная парфюмерия, или Сам себе светорежиссер

Пусть это не будет упорядоченным рассказом, и он сопроводит твой хаос. Обычно книги и так наводят порядок в установившемся хаосе, хоть немножко и на чуть-чуть... Эта попытка к тексту, на мой взгляд, не про это, она про столкновение моего хаоса с твоим. И вот они кружатся в танце, да так, что непонятно, прикольно это или нет. Последние несколько слов сообщили тебе не о своем лексическом значении, а о качестве языка в целом – межъязычное пространство для «пернатых». В этой связи оно заявляет обо мне и представляет меня с другой точки освещения, – по-хорошему, надо бы переписать, но если скумбрия обладает достоинством, то обладает ли она достоинством, когда испорчена? Запах испорченной скумбрии узнаваем, даже если на вас парфюм от Ив Сен-Лорана.

Вопрос от Адама и Евы

Когда-то небо ассоциировалось со смертью запретов и карой. С чем сейчас?

Сказка о лепке

Квартира, жираф. Пойманного жирафа два парня везут в машине, один держит хвост. Один из парней жирафа побаивается. Жирафа привозят в родительский дом. Идут в клуб, выступают, симпатия к ним со стороны всех людей, две девочки сильно проявляют интерес, к чему? Парни перепили. Лифт на 33-й этаж, попали не туда, возвращаются обратно на первый. Встречают старых знакомых: прогулка и совместные дела. Садятся в электричку. Покадрово листают глазами вагон поезда. Перелистывают – кадры идут один за другим. Или это все тот же кадр? Сотня людей в вагоне с глазами полного непонимания и смутения. От момента до момента с чертами лицами, только с чертами. И один из парней, как и все, тоже без лица. У него возникает вопрос: «Почему я с ними заодно?»

Вопрос от Гамлета

Холодная и горячая вода.
Что лучше?

Беззубие или зайчики?

Набор букв, сцепленных воедино, олицетворяет меня? Откуда взялись все эти буквы и сочетания? Почему после «с» идет «о», а после «о» идет «ч», и так далее? Именно так и не по-другому? Или не другое слово? И все эти сочетания букв у талантливого автора рождают связки – не оборванные клочки смыслов, разбросанных по комнате, а некую мелодию, цепь, которая тебя связывает, утаскивает за собой, как невидимый странник, встретившийся нам в лесу, который просит пройти за ним, и его доводов хватает, чтобы идти за ним, и вдруг он говорит, что нам незнакомо или записано в нашей системе координат как плохое или не соответствующее, и мы недоумеваем, отдергиваем руку... Так же бывает с авторами. Люблю я пиццу, ем ее везде и всегда, обожаю и чувствую себя хорошо. И все читал и знаю о том, какая она вкусная, полезная и классная. И вдруг вижу ошеломляющий ролик, где говорят, что она ужасная, да еще и приписывают ей все то, что я распознаю как «точно не так!». Для меня помидоры великолепны и аппетитны, а у кого-то они отбивают аппетит. И вот два человека стоят и обсуждают помидоры. Что плохого в том, что один кайфует от помидоров, а другой не кайфует и наслаждается манкой... Зачем отвоевывать то, от чего ты кайфуешь, что-то непременно отнимая у других, требуя, чтобы чуть ли не посягнули на верность всем твоим предпочтениям. Со мной подобное происходит. Это выключает. Поэтому эта книга и будильник для меня, а может, и снотворное. Я ж не знаю. Я только сцепляю буквы, пытаюсь вывести на красную ковровую дорожку перед тобой обрывки смыслов, которые никак не сцепятся. Возможно, ты заполнишь пустоты, может, мое слово, одно слово, например «радиограмма», всколыхнет в тебе процессы, которые через десять лет приведут тебя к бессмертию, а напиши я «лампа», привели бы к пению на пожарной машине. Получается удивительная ролевая игра с кучей концовок. Если в компьютерной игре мы могли бы выбрать и переиграть несколько разных концовок, то тут мы пока не знаем, какие вообще есть. Действуем по ситуации. Хочу пить – попил колу – зубы выпали, зато на логотипе шрифт официального названия колы попался на глаза так часто, что я решил применить его, когда делал свою работу для клиента, будучи дизайнером, и именно благодаря этому шрифту меня взяли в большую компанию, а если бы не пил колу, то остались бы зубы, но условный морковный сок зародил во мне желание посмотреть на зайцев. Так постоянно нас что-то увлекает и направляет в этой игре...

Радуга неожиданных гостей

Иногда нам кажется, что мы хотим жить в другой стране, в другой жизни, в другой семье. Ты здесь, вот ты, твои глаза, читающие эти строки. Вот и твои руки, держащие переплет этой книжонки. Она имеет начало и имеет конец. В детстве, да что уж, и сейчас, я очень не люблю расставаться. Гости уходили – крах. Девушка уходила после свидания – кошмар. И эта книга, и ты – при закрытии последней страницы все закончится? Рано или поздно ты ведь закроешь эту книгу и забудешь ее, появятся новые дела, новые впечатления, все новое. Кто-то не хочет расставаться с любимыми вещами и людьми – фанатеют, не отпускают, держат из последних сил, но яркие цветные чувства исчезают, выветриваются. Я не хочу иметь вес в твоей голове и душе. Не хочу тяготить. Хочу быть для тебя вспышкой света, которая пронесется в твоей жизни, пронесется в моей жизни. И мы вместе. Даже когда я не думаю о тебе, а ты обо мне, мы вместе. И с каждым по-разному.

Наткнулся на следующую историю. Один человек пишет о том, что в какой-то книге он увидел надежду, книга помогла ему сдвинуться с места, он почувствовал внутри какие-то движения, запасы энергии... Неважно, двинулся он потом или нет, но он нашел какой-то толчок, пусть на какое-то время, в том, что прочитал в книге, – и, скажем, прочтя эту книгу, он понял, что может играть в футбол, и ничто его не остановит. Перечитывая ту книгу, я так и не нашел подобного рычага. Дал прочитать ее другому человеку, тот нашел эту книгу гнетущей и депрессивной, где тот, первый, человек видел радость. Автор рассказал свою историю, рассказал, как мог, может, он старался, чтобы излить душу и освободить себя от бремени, а может, начеркал ради денег, чтобы прокормиться. Мы этого не знаем. Поставь перед нами два бокала вина – одно за сто рублей, из коробки, и коллекционное за десять тысяч долларов, – мы скорее всего не узнаем, какое из них какое на вкус. Понимание разницы между этими двумя напитками приходит, когда прикрепляется текст. И вот к такой истории этого автора каждый читающий прикрепляет свой текст. И так же, видимо, один человек, читая мои строки, может чувствовать прилив сил и невероятно увлечься, а другой зевать от скуки. И то и другое невероятно круто и полезно!

Стенописец

Труд ли писать подобную книгу? Понятия не имею. Задумывался о том, что много людей пишут прекрасные посты на своей страничке, много чего чувствуют и знают, есть люди пера, которые могут изъясниться лучше, умнее и иначе. Ловить себя на таком вот состоянии и писать – это довольно трудно. Трудно не писать или ловить, а ловить и писать одновременно.

Скажем, вы находитесь на качающемся мосту над пучиной лавы, по правую руку у вас знакомый берег, на котором знакомый лес, избушка, домашние питомцы, но вы точно знаете, что ваше место не здесь, а где-то в другом мире. Чувствуя в себе заряды, вы содержите эту идею, и если мост не будет пройден, вы утратите заряды – разрядитесь, оставшись на берегу. Как же пройти по качающемуся мосту на другой берег? Казалось бы, необыкновенно просто: иди и все, чего не понятно? Хочешь мышцы? Ну иди и качайся. Хочешь похудеть? Да не ешь и худей. Но всегда есть что-то, что это, казалось бы, элементарное действие тормозит. Через что будто не перешагнуть. И этот шаг все-таки возможен, он требует огромных усилий, как если бы глядеть через стеклянную стену на лежащее в метре яблоко – не взять. Бывает, стекло становится покладистым на миг, на время, а потом снова стена и твердь. Некоторые авторы говорят нам, что нужно биться, бороться и перешагнуть, ворваться сквозь стекло, вдавить себя лицом в него, и в ранах и крови давить до последнего, пока оно не треснет, в конце концов. Уверен, кто-то так может, и есть примеры, но многие – нет, и что же делать?

Мне хочется за стену. Но не шагнуть, будто я связан по рукам и ногам. Как залезть за неприступную стену? С детства слышал историю про Троянского коня, и только недавно она обрела особые смыслы. За стену можно попасть любыми способами. Возможно, есть способ, которого нет. Им нет предела. Инструментарий неограничен. У какого-то человека получится попасть туда известными способами, а у кого-то нет. Птица, например чайка, может перелететь стену и рассказывать кротам о том, что можно перелетать. Кроты говорят о том, что этот способ для них плох, они знают подземный путь. Чайки в шоке. Чайки рассказывают всем зверям, как попасть на другую сторону стены. И из миллионов зверей те, кто чайки, и те, кто услышал и решил перелететь, – перелетают. Кроты делают так же. И те, кто кроты, и кто решил рыть, – проходят под стеной. А что если ты не чайка и не крот? А, например, муравьед? И нет еще такого муравьеда, который бывал за стеной. И ты можешь первым из муравьедов оказаться там. И придумать свой собственный способ! Что если формально и со стороны он может казаться одинаковым? Ну, например. Съел я пастилу. И ты съел пастилу. Действие одно. Но что кроется за пастилой? Я был недавно у стоматолога, и эта пастила ох как мне докучает, плюс с учетом того, что я набираю этот текст на компьютере, я не люблю пачкать его липкими руками, и все это в октябре, а ты, сидя на травке, скажем, летом, в июльский зной, у воды, где ты можешь быстро сполоснуть руки, ешь ее с удовольствием, и липкость доставляет тебе еще большее удовольствие. То есть если ты муравьед и решил пролезть так же, как и крот под стеной, – это еще не значит, что ты используешь тот же способ, что и крот. Да, вы оба под стеной. Но для постройки своих туннелей крот использовал лапы, а ты нос и нанял специалиста по земле из известной в подземных кругах компании «Дождевой червь Корпорейшен». Что если, перебравшись через одну такую стеклянную стену, ты обнаружишь другую – каменную? Кто знает, сколько этих стен? Можно только догадываться. Но то, что надо двигать, говорить – все вокруг и внутри. Эта книга – рисунки пальцем на этой запотевшей стеклянной стене.

Кстати, о птичках

Когда я обнаружил себя уже пишущим этот текст, я захотел пойти на своеобразный риск. Написав на своей странице в интернете сообщение о скором издании книги, я попросил людей, увидевших запись и желающих прочитать мою книгу, отреагировать на нее. Новость просуществовала 24 часа, после чего была мной удалена. Люди, откликнувшиеся в этот промежуток времени, получают свой сюрприз несколькими строчками ниже. Это было трудным решением – включить и такой формат повествования в уже и так странноватую для обывателя книгу. Безумный интерес столкнул меня с устойчивой лестницы здравомыслия, направив на отполированный паркет авантюры.

В чем заключается интерес? Принято считать, что у нас есть очень важный ресурс – время, или то, что мы им называем. В жизни я контактировал со множеством людей, но именно так случилось, что несколько из них отреагировали на мое сообщение в первые 24 часа. Признаться, это были неожиданные люди, что подкидывало деревяшек в костер моего любопытства. Возможно, кто-то не увидел моего сообщения, а иначе бы с удовольствием написал, кто-то не захотел, другой не придавал значения, третий написал минутой позже, четвертый вообще не знал о моем существовании и т. д., этот список бесконечен, и его роль здесь второстепенна. Те люди, которые написали в заданный, но не обозначенный для них период, – просто почему-то сделали это. Допустим, что так «сошлись звезды», что бы это ни значило, и есть с этими людьми недосказанная история, моя история для них.

Есть что-то такое между людьми, которое возникает между ними, не имея видимой связи. Это мои случившиеся сказки глазами персонажей этих самых сказок. Белоснежка споет свою драматическую историю глазами из-под стекла гроба, гномы расскажут приключенческий блокбастер глазами из-под камней шахты, а птички – с безоблачных небес, и только благодаря совокупности точечного параллельного наблюдения за главными персонажами мы получаем понятную цельную сказку. Попробую пояснить, почему только за главными. В данной сказке есть фокус внимания, опирающийся на Белоснежку, гномов, антагониста, их вещи и диалоги, играющие важные роли, остальное и остальные по мере удаления от персонажа становятся более тусклыми и недорассказанными. Например, та же птичка здесь представляет собой больше фон, подчеркивающий конкретное состояние главного героя, обнажая его качества, нежели самостоятельную фигуру, и ее функции только частично затрагивают мотивы и действия основных персонажей, – это мы видим в кадре сказки. Если в сказке о Белоснежке сфокусировать внимание на птичке, то для нее появятся новые вводимые персонажи, а бывшие основные герои наполнятся совсем другими красками или вовсе будут в истории птички второстепенными персонажами, превратившись из фигуры в фон. Каждый из нас герой своей сказки, и в твоей жизни наверняка есть основные персонажи, скажем, мама, папа или те, кто был рядом с самого детства, муж, жена или возлюбленные, для кого-то дедушки и бабушки, лучший друг, начальник и несколько коллег. Мне кажется, у каждого существует какой-то, на первый взгляд, четкий ограниченный круг несменяемых персонажей, а есть и птички, которые меняются изо дня в день, некоторые из месяца в месяц, другие из года в год, – у каждой отдельной птички свой хронометраж, свои функции, сочиняющиеся сказочником. А так как я вроде как сказочник своей сказки и к тому же ее непосредственный главный герой, то у меня еще и различные бесчисленные роли в других сказках, словно наше участие в иных сказках в роли отдаленных птичек – контрактное условие для существования моей собственной... Получается удивительная ситуация связанности: даже одна второстепенная, отдаленная от основных персонажей какой-то конкретной сказки «птичка» может повлиять на все сказки разом, какие только есть. Поэтому я напишу здесь о моих откликнувшихся пернатых со-авторах, ведь они «птички» лишь здесь, их основные роли играют в других местах, а уже их «птички» могут

быть мне неизвестны, но также связаны и со мной благодаря этим моим «птичкам-соединителям», и такая второстепенная игра здесь фантастически полезна и достойна самого пристального внимания. Углубление в метафоры рано или поздно приводит к цикличному хаосу или невозможности дальнейшего употребления, поэтому я остановлюсь и оставлю эту мысль несформировавшейся...

Мы ежедневно пересекаемся с разными людьми, переглядываемся в автобусах, кафе, метро... С кем-то общаемся только по работе или учебе, с другими исключительно о футболе или маникюре. Мы соприкасаемся с тысячами людей, не разбираясь с их отпечатками на нас и нашими на них. Такие истории не рассказываются, чаще всего не фиксируются и не запоминаются, они увядают и не живут, забываются и не питаются, как позавчерашний сон, ежесекундно миллионами пропадают без вести. И вот несколько историй про тех откликнувшихся персонажей – моих «птичек», которых я несусь в себе, несмотря на их, казалось бы, неучастие в моей жизни...

Я ценю каждого, кто здесь, с кем переплелись наши тексты, наши чувства и мысли. Результаты такого переплетения – тема для другого текста. Здесь я радуюсь тому, что этот процесс существует, и мы можем его наблюдать сейчас вместе с тобой. Ну что ж, начнем.

Девушка из песни

Когда я работал в компании неотмасленным механизмом, мой круг общения сводился к четырем постоянным неоколлегам, с которыми мы общались по исключительно узкоспециализированным вопросам. Однажды до меня донесся тактильный трепет постукивающих каблучков. Девушку называли Мариной? Имя раскрылось своей разворачивающейся радостью приглушенными отдаленными голосами на фоне. Эффектность ее появления была вызвана моим размытым зрением и желанием срочно одеть ее в один из привычных образов красавицы из фильма. Шарм и уверенная неспешная походка утянули мое время за ней, я находился в состоянии мягкого шелкового женского шарфика, что иногда оказывается на плече дамы и шлейфом тянется за ней, обнимая аккуратное плечо хозяйки. Мой взор был устремлен не на отдаляющуюся от меня фигуру, а на следующий, почти вот-вот совершившийся шаг – будущий отпечаток следа; такое наблюдение отражало в ней магнетическую непостижимую грацию и игривую любопытную энергию. Притягательность. Я ежедневно довольно стеснительно приветствовал ее, глядя ей на миг в глаза, словно проверяя, догадывается ли она о моей предрасположенности к ней. Интересно, что я даже и не помышлял о том, чтобы с ней задружиться, заговорить или проявить себя хоть как-то. Я осторожно разглядывал ее как невиданный, но в то же время неизвестный диковинный цветок, на который я когда-то уже смотрел и потом долго не встречал, а память о нем развеялась. Разбираться с этими эмоциями было одно удовольствие. Установить любые отношения с ней означало трогательную историю, разочарование, следующее за очарованием. Мы находились на своих местах в этой несоставленной системе координат, и она занимала именно то место, которое будто было зарезервировано специально для нее, а связь, протекающая между нами, обретала с точки зрения таких месторасположений совершенный вид. Любое незарегистрированное слово или действие в инструкции по применению этой системой координат могло что-то надломить в нашем активном диалоге. Находясь именно в этой точке в этот промежуток времени, я ощущал, что был близок к ней как никто. Казалось, что и она в курсе; и даже если нет, то моя история из чувств и мыслей состоялась. Изменить эту историю в подтексте – узнать других Марин, а это иное сплетение нитей восприятия.

У людей случаются разочарования; бывает, нащупал в человеке что-то, что приводит в синхронное движение и тебя, а «вошел в него по шейку», а там склизко и мокро. Все мы произносили фразу: «Я разочаровался».

Недалеко от дома моего дедушки на небольшом лугу росли цветы невероятной красоты. Оставаясь один дома, я выглядывал в окно и с музыкальным упоением восхищался их божественной красотой, иногда срисовывал их для домашнего задания по изобразительному искусству, а при выгуливании любимого пса разглядывал и нюхал их. Эта ежедневная свободная красота была мне доступна. Волшебный луг и прикрепленные к нему эмоции, чувства и ощущения жили, множились, обрастали своей тонкой оболочкой какого-то непонятого настоящего естества, а в холодные грустные деньки мысли о моем луге оживляли и раскрашивали мою внутреннюю раскраску... Мощный, яркий, живой источник чудесной силы... Однажды я сорвал все цветы, живущие на этом лугу. Первые несколько минут эйфории сменились разрывающимся скорбным криком – что-то погибло в тот день. Цветы погибли тоже. Через какое-то время на этом самом лугу выросли другие цветы. Но они вызывали во мне только пустоту и разочарование, словно кто-то лопатой разгрузил меня, как грузовой вагон. «Я разочаровался». Любопытно, что каждый новый вырванный с годами цветок с этого луга не облагался свежей эмоцией и обдувающим чувством, каждый сорванный цветок укреплял мое разочарование, превращающееся в один продолжительный тихий вой. На том месте сейчас мусорная свалка. Зачастую в такую свалку мы можем превращать свою жизнь.

Многие люди, в которых я «проходил по шейку», к сожалению, сорваны мной, а связи между нами болеют хронической ангиной, от которой не умирают, но от которой и жизни здоровой нет. Это не просто акт прекращения общения, смены интересов и следование по разным жизненным указателям; это потеря безумно интересной недочитанной книги, брошенной из-за одного или нескольких, скажем, неудачно написанных абзацев, предубеждений или невозможности смены языка повествования.

Будучи ребенком, я чувствовал себя очень тоскливо, когда уходили гости. И со временем, чтобы удлинить свои истории с людьми, я рвался «проходить по шейку» в человека с кристально искренними добрыми намерениями; фраза Данте «благими намерениями вымощена дорога в ад» заиграла особыми красками спустя некоторое время. А эта девушка из компании – одна из тех, с кем я смог принять в себе эту загадочную расстановку мест, – удивительно, что от этого она, словно те несорванные цветы, ожила во мне палитрой еще невиданных мне светлых красок. «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии», – подсказывает С. Есенин. Думаю, что можно любить, не вторгаясь, не привязывая, не обладая, не называя предмет любви. Разные люди – разные связи, и чем глубже мы вторгаемся во внутренние владения другого человека, тем более неподъемными становятся эти связи (картина «Бурлаки на Волге»). Здесь то место текста, когда не хочется употреблять слова, они теряют свою силу и блеск. Когда что-то называешь, растрачивается какая-то неведомая энергия...

Гера Мария

Мне казалось, что мы знакомы с ней через миллионы галактик. Общаясь исключительно по совместным проектам, мы не упускали возможность подшучивать и таким образом отстраняться от тяжелых переживаний. Мне нравилось, когда она тепло улыбалась и открыто смеялась. Вишнево-освежающий позитив и мармеладная общительность поддерживали во мне вкус к жизни в рамках той компании, где мы работали. Грусть или расстройство этой девушки рассматривались мной как что-то предельно трагичное, словно случилось что-то по-настоящему плохое. Она умело отделяла личное от работы, граница будто очерчивалась ее мягким, но в то же время моментально разрезающим взглядом. Чувствовалось, что она проецирует какое-то видимое ей силовое поле, помогающее ей казаться защищенной от смотрящих, – было очевидно, что это самое поле когда-то выключается, и заглянуть за него означало пересмотреть какие-то фундаментальные основы, подвергнуться благородному, но опасному для хрупкой личности риску. Внутренние надломы требовали от нее в разы больше выделяемой энергии для этого силового поля, центрифуга происходящих процессов вызывала перегрузку, в такие минуты я отчаянно старался ее смешить, как мог, лишь бы не услышать звук рвущейся ткани, где на месте ткани порой находится чья-то душа. Справляясь с этим, она обозначала, что все в порядке, легкой аккуратной полуулыбкой, которая служила для меня тем утренним одеялом в холодный темный день, когда ты жадно укутываешься в него после сравнительно горячего душа, но моментального тепла не случается. Таким залезанием под спасительное одеяло ты делал что-то, чтобы оно появилось чуть позже, когда ты от кажущейся необходимости надышишь себе под тканью благотворную среду. И вот эта полуулыбка – первый выдох под ткань моего одеяла, моей еще несостоявшейся души. Безоговорочно серьезный подход даже к небольшим вещам будто выражал какое-то жесткое внутреннее решение, оно закаляло и двигало Марию... Таких запускающих элементов я не имел, оттого и с восхищением смотрел на эту девушку как на возможную часть меня.

Человек-могу

Еще со школьных лет ее глубокие колодезные и живые глаза разглядывали мои со страстной увлеченностью. Она была открыта и включена во все процессы, что с ней происходили. Лена могла все; несмотря на то, что мы с ней почти не общались, она была спасительными сливками между двумя сухими слоями сдобного теста: там, где мое «могу» оставалась недобытым и неочищенным, я точно был уверен, что оно существует в ее корзинках. Фотоснимок – результат, а есть миг «нажатия на кнопку» на пересечении каких-то временных и пространственных линий, почти судьбоносный миг божественного творения фотографии. Лена, возможно, сама того четко не осознавая, умеет останавливаться в этом застывшем, но в то же время несущемся промежутке, длить его и управляться с ним, – ценнейший дар из ныне мне известных.

Наполненность, искренность, готовность к авантюрам, умение верно улавливать в первую очередь для себя. Отсутствие типичной шкалы оценки происходящего делает ее вид наблюдения растительным, а действия натуральными и чистыми, как стекающая по молодому кленовому листочку роса, – терпеливое и спокойное движение, которое иногда сопровождается сомнением назначения такого движения, но, на удивление, Лена обладает уникальным навыком как-то бережно и ласково справляться со сложностями. Тягучая трудность и громоздкая неопределенность порой сваливаются на ее листочки как инородные предметы вроде какого-нибудь утюга или ботинок, от падения которых крепкий лист не рвется, не прогибается, не летит вниз, – он будто подстраивается под обстоятельства, происходящие с ним, достойно принимая эти неожиданные предметы и возвращаясь после пережитого в свой первоначально предназначенный вид, потому что так может.

Что за Бореем...

Для меня она была из страны песен, спетых нежным неторопливым тихим голосом, из страны без земли и неба, из страны легкого дуновения музыкального ветра, который бывает так приятен и добр с нами в знойные летние деньки, а формально из Нижнего Новгорода. Мы не виделись, но отрезками ее влияние оказывалось рядом в столь нужное время, как холодный ананасовый сок в томящую духоту. Контрастность, легкость, спонтанность, заразительное жизнелюбие и возрождающаяся каждый раз из пепла вера просветляли замыленный взгляд на все, чего бы ни касалась моя мысль. Многих людей нам приходится невольно додумывать, и Милена стала одной из первых, кто всей собой сообщила, что можно этого не делать, можно оставить место для неописанности, недосказанности, неназванности, не для слов и чувств, великие просторы для жизни, – там, где начинается свобода...

Поезд в солнце

Несколько недель подряд каждое раннее утро понедельника я ездил в Москву на электричке. И еженедельно со мной в вагоне через несколько скамеечных пролетов обнаруживалась одна и та же девушка Настя. Особенно удивительно было то, что я видел ее только в солнечные дни и исключительно лицо. Будто именно она в пещере этого поезда разобрала обвалившийся проход и зашла в потухшее мяккое пространство вместе с веерными лучами, будто она и есть эта линия солнца, сообщающая о Свете. Серая и не принимающая солнца внутренность электрического червя была озарена чистым обволакивающим Светом – Светом, принятым ей. Не у многих их светоприемники могут именно так распахивать двери для досягаемости, казалось бы, не только Света, как видится со стороны, но абсолютно только Света для нее, будто все есть Свет...

Теплому пледу не надо проходить краш-тест

Повстречавшись с огромным количеством людей в разных ситуациях, я не мог представить, что есть человек, способный на безоглядное доверие, не имея на то видимых или обозначенных оснований: дружба, близость, родственные связи, коллеги и т. д. Будучи никем, сидя в кафе, несясь на огромной скорости в своем кадиллаке из слов к ее стенам, я зажмурил глаза и выставил руки, представляя вмятины автомобиля и мои травмы от столкновения, запах непробиваемого бетона вгрызался в легкие, параллельно шли короткие гудки – это кровь набирала страху... Каково было мое удивление обнаружить себя в мягчайшем войлоке, который обтекал мое тело, как бы подстраиваясь под каждое его движение и положение. Непостижимая в тот момент для меня невесомость, созданная ею, на вдохе мятного восхищения. Она говорила всей собой: да, это все до единой мои подушки, все, что есть. Нет про запас, нет для других... Вот все они тебе, без объяснения причины...

Самые сложные вещи она проходила на грани ее особенного «могу» и «не могу» – второго для нее не было... Желание. Сложность. Рывок. Сложность. Рывок. Легкость. Ее умение находить кратчайший путь из точки А в точку Б поражал одновременно своей простотой и грацией мысли, он был похож на миллионы таких же и не похож ни на один...

Благодаря тебе, Ира, учусь больше не ездить на встречи на машине, вспоминаю о теплом пледу и войлочных подушках...

В чем соль?

Мы виделись однажды, в районе нескольких биений. У Светы я наспех забирал или передавал какие-то вещи для моей подруги – они были соседками. Наше безликое переглядывание длилось не более двадцати секунд, но уходил я с чувством игривой, но, тем не менее, полной симпатии, за ее прерывистым скользящим взглядом выстраивалась конструкция внушающей целеустремленности, пронизанная мощнейшим стремлением. Тогда мне не хотелось много думать о ней, – иногда некоторые мысли и слова становятся настолько насыщенными и бесполезными, что от них немного подташнивает, и я только молчал и желал танцевать. Громкое колокольное думание было слишком вульгарным для нее, я растворял ее в музыке и отстраненных представлениях, словно размешивал концентрированную соль для ванны в столовой ложке. Соли становилось больше, а объема ложки не хватало. Я менял ложку на чашку, чашку на тарелку, тарелку на кастрюлю, кастрюлю на ванну, ванну на бассейн – с растущей скоростью шел удивительный процесс расширения, постоянной смены посуды на моей кухне...

Концентрация ее внутреннего диалога включала в тот разговор невольно и меня, то ли от любопытства, то ли от неизбежности силы ее восприятия. Думая, что в моем телефоне сто процентов заряда, – вспоминая о ней, я обнаруживал двадцать и шел на своеобразную зарядку. Умение проецироваться и отпечатываться в человеке с такой ясностью и прозорливостью, проявляя его потенциал и скелеты в шкафу, неизвестные даже самому хозяину шкафа, делают ее для меня особенной и неповторимой.

Без нее не справиться

Студенческие годы. На разломе представлений старого и нового миров в акробатическом шпагате я пытался устоять на двух ускользающих друг от друга берегах. Одному над обрывами не по себе, несмотря на всю красоту заката... Катя тот человек, который стоял со мной вместе, уверенно и расслабленно, пока я тряс слюной над гладью темноты. Казалось, что сейчас она со мной над обрывом, завтра – со вторым над горящим лесом, а послезавтра – с третьим над скалистым берегом реки... Быть в нужном месте с нужным человеком – ее целебное чудесное свойство. Мне казалось, что ее секрет в том, что каждого человека она считает нужным, не требуя своей нужности для него. Она шагает туда, куда боятся идти остальные... Безусловно и с достоинством, как будто наверняка зная и понимая, что весь мир без нее не справится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.